

Жизнь и необычайные приключения писателя Войновича

(рассказанные им самим)

Глава тридцать восьмая

Один и в одиночку

Взятие Москвы

3 августа 1956 года на перрон Курского вокзала Москвы сошел молодой человек небольшого роста, коротко стриженный, в стоптанных желтых ботинках, в синих бостоновых брюках, сзади до дыр еще не протертых, но уже пузырящихся на коленях, и в коричневой вельветовой куртке-бобочке на молнии с зеленой наплечной частью, которая называлась кокеткой.

Во внутреннем кармане бобочки лежали шестсот рублей, а в руках приезжий держал чемодан желтой кожи необычной квадратной конфигурации, купленный во время прохождения воинской службы в польском городе Бжег. В чемодане были не очень аккуратно уложены общая тетрадь в линейку, бритва, зубная щетка, пара штопаных носков, пара застиранных рубашек, защитного цвета армейский бушлат и что-то еще из самого нужного на первое время.

Было около шести утра, город просыпался, по привокзальной площади шли одна за другой поливальные машины, давая по две струи: одну скользящую по асфальту и все с него смывающую, другую – восходящую и опадающую пушиным хвостом. Как только на хвост наступали лучи солнца, он тут же расцветал всеми цветами радуги, а попадая в тень, немедленно блек. Машины шли косяком или, по военно-морской терминологии, уступом: первая – посередине проезжей части, вторая – отстав на корпус и чуть правее, третья – еще на корпус позади и еще правее, и последняя – касаясь бровки тротуара и не щадя редких прохожих, которые в панике отпрыгивали, прижимались к стенам домов, подтягивали штаны и подбিরали юбки.

Пока молодой человек сдавал чемодан в камеру хранения (предварительно вынув общую тетрадь), открылось метро. Приезжий неуверенно ступил на эскалатор, но тут же освоился и, подражая аборигенам, побежал вниз по ступенькам, перепрыгивая через одну. Поскольку было еще рано и ни на что другое употребить этот час было нельзя, приезжий решил посетить Красную площадь, посмотреть на Кремль, на Мавзолей Ленина–Сталина и на собор Василия Блаженного...

Думаю, читатель не перенапрягся в догадках, кем был описанный молодой человек. Я прибыл в Москву с целью покорить ее или... (пожалуй, не слишком преувеличиваю) или умереть. Задача была многоступенчатая, и все ступени казались непреодолимыми. Приехать, устроиться, прописаться, остаться, состояться, добиться признания. Меня многие отговаривали. Хрущев недавно выступил с грозной речью, что Москва не резиновая, прописку ужесточим, лимитчиков больше не будет. Это говорилось таким тоном, как будто несчастные лимитчики были сродни немецким или французским захватчикам.

Всю свою предыдущую жизнь я, веря в судьбу, покорялся ей, полагая, что она сама знает, куда меня вести. Я ей покорялся и позже, да и сейчас покоряюсь. Но на некоторых этапах я вносил в ее предначертания кое-какие поправки. Решив отправиться в Москву без шансов там зацепиться, я боролся не только с обстоятельствами, включая речь Хрущева, но и с самим собой, поэтому максимально усложнил задачу. Некоторые мои приятели предлагали адреса знакомых или родственников, у кого можно было переночевать или перехватить десятку. Я сказал: нет, нет, никаких родственников, никаких знакомых. Приеду один и в одиночку пробьюсь. И тчк!

Моргают, зато не шевелятся

Каждый, кому приходилось вот так, как мне, оказаться в Москве, кто ходил по ней и неуверенно озирался, приходилось сталкиваться с мошенниками, тут же его выделявшими из толпы и готовыми обобрать до нитки. Не успел я спуститься в метро, как ко мне приблизился некий доброжелатель, который вызвался проводить меня до Красной площади. Как только мы там оказались, он потребовал за услугу двадцать пять рублей, а на мой вопрос «за что?» стал угрожать. Но когда я его «оттянул по фене», понял, что запросил лишнего.

ГЕННАДИЙ НОВОЖИЛОВ

Я прибыл в Москву с целью покорить ее или... (пожалуй, не слишком преувеличиваю) умереть. Задача была многоступенчатая, и все ее ступени казались непреодолимыми. Приехать, устроиться, прописаться, остаться, состояться, добиться признания! Меня многие отговаривали, некоторые предлагали адреса знакомых или родственников. Я сказал: нет, нет, никаких родственников, никаких знакомых. Приеду один и в одиночку пробьюсь! И тчк!..

Красную площадь тоже только что вымыли поливалки, и по влажным еще камням, осклизываясь, гуляли жирные голуби. Их как раз только что, как символы мира, запретили давить машинами, даже знаки повсюду развесили: «Осторожно, голуби». Говорили, что в порядке борьбы за мир шоферу, задавившему голубя, срок будут давать больший, чем за человека. Вот голуби и разгуливали, словно осознавая, насколько они ценнее этих существ, что заискивают перед ними и со сладкими приманиваниями – гуля-гуля-гуля – рассыпают по булыжнику расколотый хлеб.

Мавзолей ввиду слишком раннего времени оказался закрытым. Я-то думал, что мертвецы доступны в любое удобное для трудящихся время, а не тут-то было. Несмотря на рань и закрытость, у Мавзолея столпилась кучка зевак. В ожидании предстоящей смены караула они подробно разглядывали часовых.

В толпе выделялась колхозного вида группа: трое или четверо мужчин с обветренными лицами и с ними девушка в темном хлопчатобумажном мужском пиджаке и в синем берете, заломленном на левое ухо.

Мужик в парусиновых туфлях на босу ногу, закурявая папиросу «Прибой», выражал недовольство:

– А говорят, они не моргают.
– Как же не моргать? – возразила девушка.
– Чай, такие же люди, как мы.
– Но все ж таки у Кремля, – сказал тот же мужик, но не слишком уверенно. – У Кремля таких, как мы, не поставят.

– Господи, у Кремля, у Кремля. Что же, как у Кремля, так не человек, что ль?

Я, между прочим, тоже много слышал о том, будто часовые не моргают. Но теперь увидел, что моргают не хуже других. Моргают и из-под козырьков поглядывают на толпу. Стыдливо, как деревенские девушки, но при этом ухитряясь сохранять истуканность.

– Зато не шевелятся, – сказал другой мужик.

– Еще бы им шевелиться, – согласился первый. – Все ж таки у Кремля.

– А что, как ему муха сядет на нос, чего он будет делать? – спросила девушка.

– А он ее застрелит, – сказал я для себя самого неожиданно.

Вся группа сразу повернулась ко мне, кто-

то хихикнул, а девушка, не оценив шутки, спросила:

– Как застрелит?! А ежели в нос попадет?..

Рекомендация Боборыкина

Дождавшись боя курантов и смены караула, я спросил у кого-то, как пройти к Тверскому бульвару. Мне объяснили, на этот раз бесплатно: пойдешь прямо по улице Горького, дойдешь до памятника Пушкину, через дорогу будет Тверской бульвар.

В Литинституте абитуриенты сдавали уже второй экзамен. Ожидавшие своей очереди толпились во дворе. Вели себя как признанные гении, что было оправдано фактом прохождения творческого конкурса, значение которого они преувеличивали, не догадываясь, что на самом деле у них нет никаких талантов и писателями они никогда не станут. Максимум, на что они могли рассчитывать в будущем, это на скромную карьеру редактора в журнале или в издательстве или корреспондента в газете. Но сейчас, разбившись на кучки, они читали друг другу то, что считали стихами. Наибольшим успехом пользовался кудрявый гений, декламировавший что-то скабрёзное про девушку, которая «сгодится на худой конец».

Потолкавшись среди них, я поднялся наверх, в приемную ректора (тогда им был знаменитый писатель Федор Гладков). Там сидела со строгим видом та самая секретарь Фейгина, что прислала мне телеграмму с отказом в приеме. Когда я представился, она сразу стала приветлива:

– Так это ваша телеграмма! Остроумная. Ректор сказал, что вас надо было за одну эту телеграмму принять.

– В чем же дело? – спросил я.

Она замялась, а потом сказала неуверенно, что уже поздно, идут экзамены. Потом позвала человека по фамилии Вашенцев. Это был пожилой, как мне тогда казалось (мне тогда все казалось пожилыми), литератор – как потом я узнал, друг Твардовского. Он посмотрел мои стихи, сказал, что в них «что-то есть», но абитуриенты сдают уже второй экзамен.

Подозреваю, что будь я тогда понастойчивей, нажми на них как следует, они могли сдать и разрешить сдавать экзамены с опоздани-

ем. Но я не нажал как следует. Вашенцев предложил мне подать документы через год, а пока – посетить литературную консультацию при Союзе писателей СССР.

Дикий провинциал, я вообразил себе, что литературная консультация – это контора, где консультируют писателей, попавших в трудную ситуацию – например, с устройством в Москве на жилье.

Придя на улицу Воровского, в дом 52, я столкнулся в дверях с каким-то усатым человеком. «Константин Симонов, – подумал я. – Уже проконсультировался».

Вошел туда и я. За столом сидел некто Боборыкин. Он полистал тетрадку и тоже нашел, что в моих виршах «что-то есть».

– Но я, – добавил Боборыкин, – в стихах мало чего понимаю. Приходите завтра. Здесь будет Елена Михайловна Кривицкая, она как раз в стихах очень разбирается.

Легко сказать «приходите завтра». А как я до этого завтра доживу? Где переночую?

– Вообще-то вам лучше всего записаться в какое-нибудь литобъединение, – продолжал Боборыкин. – Есть, например, такое объединение «Магистраль» при ДК железнодорожников. Им руководит поэт Левин, сейчас я вам дам его телефон...

Когда я позвонил из автомата по указанному номеру, там отозвался очень вежливый человек, который сказал:

– Вы, вероятно, ошиблись. Меня зовут Константин Ильич Левин, а вам нужен, я думаю, Григорий Михайлович Левин. Запишите его телефон...

Григорий Михайлович оказался тоже вежливым, но говорил отрывисто:

– Вас рекомендовали? Кто? Боборыкин? Как его зовут? Может быть, Петр Дмитриевич? Ах, вы не знаете? Ха-ха-ха!..

Я не мог понять, что его так насмешило. Понял, когда узнал, что был такой Боборыкин, популярный до революции второсортный писатель.

– Ну, хорошо, – наконец посерьезнел Левин. – Приходите в четверг в ЦДКЖ. Центральный дом культуры железнодорожников. Знаете, где это? Возле Казанского вокзала. До встречи!..

Рабочий день закончился. Куда податься? Я поехал на ВДНХ, обошел все тамашные гостиницы: «Урожай», «Алтай», «Восток», «Заря»... Ни в одной ни одного места нет.

Купил на улице три жареных пирожка: с мясом за рубль и два с повидлом по полтиннику, поужинал. Поехал в парк Горького. Нашел себе в напарники какого-то шалопая, стали вместе крутить на аттракционе «мертвые петли». Крутили до одиннадцати часов, когда было объявлено, что аттракцион закрывается и парк тоже. Попытка задержаться до утра в парке не удалась: милиционеры быстро меня изловили и вывели за ворота.

И я опять оказался в Москве – один и в одиночку...

Продолжение следует